ПАТРИАРХ НИКОН:
ЕГО ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И КАНОНИЧЕСКИЕ ИДЕИ*

I. Интерес изучения Никоновских идей – с. 41; II. Что сделано до сих пор о Никоне и пробелы в этом – с. 43; III. Метод нашей работы и результаты – с. 44; IV. Основные идеи Никона нам представляют совершенно иное, чем до сих пор изображали их в русской исторической науке – с. 46; V. Учение Никона о царской власти – с. 48; VI. Никон не понят современниками – с. 53; VII. Противопоставление Никона Петру I – с. 54; VIII. Современное значение Никоновских идей – с. 57; IX. Условия работы – с. 58.

I. Интерес изучения Никоновских идей

Представленный мной ученому суду труд посвящен изучению идей Патриарха Никона. Искание политических идеалов является неистребимой потребностью человечества, и разные эпохи создают своих мыслителей, останавливающихся на коренных политических вопросах, выдвигаемых жизнью своего времени. Так, на почве борьбы за первенство власти между императорами и Папами в XI–XIV вв. возникли учения, из которых одни источником всякой власти почитали Папу, другие противопоставляли учение о независимости императорской власти, изощряясь во всякого рода доказательствах; в XIII в. Данте противопоставил тяжкой действительности раздробленного отечества идею всеобъединяющей монархии; в XVIII в. идее королевского абсолютизма была противопоставлена идея народного суверенитета на чисто натуралистических основах, а потом идея разделения властей, торжествовавшая то в тех, то в других конституциях, выдвинутых в конце того века; в начале XIX в. культу идей французской революции в Европе Жозефом де Местром была противопоставлена идея церковного авторитета в лице Папы; в конце XIX в. культу вырождавшегося на Европейском континенте рецепированнаго из английского права парламентаризма было противопоставлено течение, направленное на усиление власти главы государства.

Не так давно Россия переживала период стремлений превращения в конституционное государство по всем правилам техники западноевропейского конституционализма. В XVII же веке на рубеже идейного перелома в России в царствование Алексея Михайловича на почве преследования Патриарха Никона боярским окружением Царя возникла борьба, смысл которой свелся к спору об объеме царской власти, ее положении в Церкви и о положении церковной иерархии среди

* Публикуется по: Речь М.В. Зызыкина перед диспутом в Париже 26 февраля 1929 г. на защите диссертации: «Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи». Варшава, 1929.

светского общества. Борьба эта преломилась в исторической среде, отразила особенности места и времени и нашла своего идеолога и исповедника в лице Патриарха Никона, противопоставившего внедрявшемуся цезарепапизму свое учение о назначении царской власти и ее отношении к Церкви. Никон вынес свое учение из святоотеческой литературы в подвигах суровой аскетической жизни, отданной им на служение Церкви и Отечеству. Победа противоположного течения определила путь развития церковно-государственных отношений в России, но не колеблет внутренней ценности и жизненности идей Никона и не означает его принципиальной неправоты с точки зрения той Церкви, которой он был высшим предстоятелем в России. Борьба эта явилась этапом в развитии понятия верховной государственной власти в России и оставила после себя малоизвестный литературный памятник, запечатлевший иное понимание верховной государственной власти, чем то, которое одержало верх в дальнейшей истории.

Задумываясь над тем жестоким гонением, которое предприняло против него за защиту прав Церкви властолюбивое гордое боярское окружение Царя, привыкшее считать себя прирожденным его советником, Никон в тиши Воскресенского монастыря на шестом году после оставления Патриаршего престола поведал бумаге свои мысли о судьбе мира, назначении власти церковной, священстве вообще, Патриархе, составе полномочий церковной власти и о способе ограждения Церковью своих прав. Особое внимание он посвятил вопросу о назначении власти царской, о ее задаче по борьбе со злом и по содействию Церкви, продолжающей дело Спасителя на земле, и о пределах подчинения царской власти.

Его идеи особенно привлекают наше внимание в эпоху, когда Россия вовсе не имеет власти, признающей священное призвание государственной власти, и захвачено властью сатанократической. Идеи Никона интересны для нашего времени и потому, что с ним неразрывно связалась идея Патриаршества настолько, что, когда последнее уничтожалось Петром, не могли обойтись без упоминания о Никоне, как не могли обойтись без этого упоминания и при его восстановлении на Московском Соборе 1917 г. на наших глазах. Интерес к нему усугубляется еще тем, что в его «Деле» столкнулось два понимания царской власти, ведущие свои линии с глубоких времен Византии: одно, которое мы назовем римским язычеством, а другое – православным святоотеческим. Итак, это была эпоха, когда определилась победа первого из них, открыв путь к откровенному цезарепапизму, подкрепленному впоследствии протестантским и естественноправовым влиянием.

II. Что сделано до сих пор о Никоне и пробелы в этом

В литературе до сих пор не существует одной общепризнанной точки зрения ни на Никона, ни на его идеи, несмотря на давность времени, протекшего с его кончины († 1681 г.), несмотря на общее признание грандиозной его личности и на то, что судное над ним дело было предметом исследования многих русских и иностранных историков. Объясняется это, с одной стороны, тем, что материалы для изучения Никона добывались из архивов с трудом и постепенно, не сразу была использована и частная мемуарная литература его современников, и таким образом разные исследователи имели разные материалы в своем распоряжении, а с другой стороны – тем, что каждый исследователь подходил к Никону с какой-либо одной стороны, исключительно его интересующей. Протестанты ценили его за церковно-обрядовую реформу, католики за отстаивание Церкви от светского засилья, а большинство русских исследователей почерпало свои сведения о Никоне из источников явно пристрастных и за мерило его предполагаемых идей брало ту цезарепапистскую точку зрения, которая проникала (сформировала) русский церковно-государственный строй в XVIII и XIX вв. Последнее и объясняет, почему Никон подвергался охулению за насаждение в России будто бы своеобразного национального папизма. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что сам Никон не был выслушан при жизни, и даже по сие время его огромная рукопись в 900 листов не напечатана на русском языке, и только в 70-х гг. XIX в. ее перевел на английский язык и издал историк Пальмер. Она не была изучена полностью, и сам Пальмер не делал ее предметом специального изучения, посвятив свое внимание преимущественно делу двукратного суда над Никоном в 1660 и 1666 гг. Не была она предметом изучения и для профессора Каптерева, исследовавшего церковно-обрядовую реформу Никона и его церковно-политические стремления. Таким образом, собственные взгляды Никона не могут считаться установленными, они также не могли быть и предметом надлежащей оценки в связи с самими деяниями Никона. Не могла быть оценена и та церковно-политическая мысль, которая проникала его учение и его исповедническую жизнь.

Разъяснению истины о Никоне в России вредило то обстоятельство, что память о нем была неприятна двум идейным течениям, глубоко врезавшимся в русскую жизнь, именно старообрядчеству и официальному государственному цезарепапизму. Первое течение – старообрядчество – не любит Никона потому, что оно, хотя бы и ошибочно, но приписывает ему инициативу церковно-обрядовой реформы, а другое –

цезареполистское – потому, что со времен боярской клеветы в восхищении (попечении) Никоном царской власти оно связывало с его именем представление о покушении на царскую власть. Несмотря на то что Никон высказывал свои суждения преимущественно по вопросам каноническим и юридическим, касающимся основных вопросов государственного и церковного права, его учение не было предметом особого юридического исследования и оценки. Между прочим, если появлялись отдельные статьи о его взглядах на патриаршую власть, на Уложение, то совершенно отсутствовала тема, которой он посвятил преимущественное внимание – понятию православного Царя; не были также приведены его воззрения по разным вопросам к одной общей проникающей их идее. Этот недостаток мы и старались посильно восполнить (*В.Ш.*: мы же старались восполнить другой недостаток – на основании трудов Святейшего реконструировали и представили сумму его богословия и религиозно-философских воззрений).

III. Метод нашей работы и результаты

Обратившись, прежде всего, к первоисточнику – собственному сочинению Никона, упомянутому нами и озаглавленному Никоном «Разорение...», служившему возражением (ответом) на вопросы-ответы Стрешнева-Лигарида, мы старались собрать разбросанные по всему сочинению его суждения, сопоставить их с его деяниями, уяснить их предпосылки и, систематизировав все это в соответствии с основными затронутыми Никоном вопросами, получить представление о его идеалах. Их наличность чувствовалась уже из того факта, что Никон несомненно и сознательно в ущерб своему личному положению следовал всегда своим убеждениям. И вот их и надо было открыть посредством изучения его слов и дел, ибо чувствовалась вся искусственность в обычном объяснении его деятельности примитивным властолюбием и честолюбием. Так как это была господствующая в русской литературе точка зрения на Никона со времен Самарина, а главное – С.М. Соловьева, то мы старались уяснить ее происхождение из источников, которыми они пользовались, и выяснить значение этих источников. Обнаружилось, что все охуляющие Никона документы – это или официальные судебные протоколы и донесения правительственных лиц, явно к нему пристрастных, или уверения его врагов или личных, или идейных, ничем не подтвержденны, а напротив – опровергаемые другими источниками. Сам Каптерев в другом своем сочинении о Московских церковных соборах XVII в., никак не связанном с «Делом» Никона, дискредитировал правдивость официальных доку-

ментов и подорвал их значение в качестве осведомительного источника. Протоколы соборных деяний составлялись особо назначенными правительством лицами, которые не вели стенографических отчетов, а записывали свои впечатления о слышанном и потом делали сводку, которую редактировало само правительство. Последнее же просто вычеркивало то, что не хотело оглашать.

Таким образом, совсем не попали в соборные протоколы трехдневные прения о власти царской и патриаршей в январе 1667 г., закончившиеся неприятным для тогдашнего правительства решением: «Да будет Царь иметь преимущество в светских делах, а Патриарх в церковных». Не попали в протоколы и заявления Никона Царю о том, что если бы и еще девять лет собирали на него вины, то все равно ничего не нашли бы. Не попал туда и разговор Царя с Никоном во время судебного заседания, изобличавший душевную трагедию Царя от суда над когда-то им любимым другом, осуждение которого было предрешено, – суда, сознание несправедливости которого преследовало Алексея Михайловича до гроба. Эти примеры показывают, что нельзя ограничиться официальными документами для получения верного представления о «Деле» Никона.

Особенное внимание пришлось обратить на личность лже-митрополита Паисия Лигарида, руководившего всем обвинением. Источником для этого послужили добытые и напечатанные Пальмером материалы из Ватиканского архива, а также исследования Пирлинга. Ведь именно от Лигарида черпали Соловьев и Каптерев гипотезу о Никоновском властолюбии и честолюбии. Выяснение того, как составлял свое сочинение Лигарид, что он преследовал, совершенно обесценило в наших глазах показания этого необыкновенной порочности человека, выступившего в качестве наемного обвинителя, стремившегося занять в России едва ли не то же самое положение, которое занимал Никон. Другие показания об этом властолюбии исходили от первых расколоучителей (но их приемы в суждении о личности Никона были разоблачены еще профессора Субботиным) и не заслуживают доверия по своей бездоказательности (и тогда, когда они приписывают Никону разные идеи и намерения).

Историческая наука раскрывала по частям правду о Патриархе Никоне с тех пор, как появилась составленная исключительно по официальным (и потому односторонним) документам глава о Никоне в XI томе «Истории» Соловьева. Митрополит Макарий изучил время шестилетнего активного управления Никоном Московским Патриаршеством, Гиббенет изучил время дальнейшего восьмилетнего

пребывания Никона в Воскресенском монастыре, профессора Николаевский изучил время пятнадцатилетней его ссылки на дальнем севере. Каптерев внес свой вклад изучением способа составления суда над Никоном и приемов Московского правительства в отношении влияния и давления на его судей. Пальмер напечатал собственное сочинение Никона и документы, проливающие новый свет на значение свидетельских показаний в суде над Никоном; особенно важно то, что он пролил свет на обстоятельства самого ухода Никона, сопровождавшиеся его проповедью, совершенно оставленные ранее без внимания. Он также изучил и способ составления вопросов Восточным Патриархам, и способ получения от них ответов, составив картину суда с его фальсификацией канонов и нарушений самых элементарных форм судопроизводства в ущерб подсудимому. В заключении о недобросовестности свидетельских показаний на суде, сделанных под давлением правительства, с ним вполне совпал профессор Николаевский, по-видимому не читавший Пальмера. Пальмер же напечатал документы, выражающие суждения русских епископов по «Делу» Никона в 1665 и 1669 гг. до приезда Восточных Патриархов, и переговоры с Никоном об условиях отречения от Патриаршества. В свете этих данных безпристрастной науки искренность и истинность собственных Никоновых суждений получает полное подтверждение и дает объяснение его поступков. Извлекши из сопоставления всех этих данных определенное представление о действительных деяниях Никона и пользуясь его собственными объяснениями, до сих пор почти не исследованными, мы и вынесли впечатление, совершенно расходящееся с принятым в русской литературе мнением об идеях Святейшего Никона, и решили составить его заново на основании собственных суждений Патриарха, высказанных им письменно, и деяний, проверенных ранее безпристрастными исследователями.

IV. Основные идеи Никона нам представляют совершенно иное, чем до сих пор изображали их в русской исторической науке

Перед нами встал не честолюбец, поставивший своей целью во что бы то ни стало добиваться первого положения в государстве для себя, каким изобразили его под влиянием Лигарида, а человек, глубоко преданный идее, которую почитал интегрально связанной с понятием Церкви и принесший ей в жертву свои могучие силы и святую жизнь. Вражда к нему имела свои причины, которых надо искать не столько в его характере, сколько в исторических притязаниях боярского класса на монополию власти и влияния, в стремлении его не допустить

союза слабовольного Царя с такой сильной и могучей личностью, как Патриарх Никон. Не могла нравиться боярству и строгая обличительная деятельность Патриарха, не щадившего самолюбий.

Патриарх Никон исходил из представления о двух совершенно различных самостоятельных правопорядках Церкви и государства, связанных однако между собой служением одной общей истине и общим стремлением, хотя бы и разными средствами, к общей конечной цели по достижению мира с Богом, а через это – и мира на земле. Одна и та же борьба со злом связывает их внутренне, составляя высшее назначение и смысл государству, ставя ему задание по удержанию мира – недопущения пришествия Антихриста. В этом союзе и Церковь, и государство совершенно различны и самостоятельны каждый в своей сфере, и высшие органы одного не могут властно вмешиваться в сферу другого. Никон определенно отверг известное и ему учение о происхождении светской власти от Церкви. Он определенно говорил, что царская власть существует самостоятельно и от Церкви получает лишь свое освящение, и он призывает ее симфонически сочетать свои действия с высшими духовными целями, которые в свою очередь представляются Церковью. Священство выше царства в духовном отношении, ибо цель спасения душ для Никона выше задачи земного благоустройства, лежащего на государстве, и поэтому оно – священство – не может властно вмешиваться в дела мирские, ибо духовное превосходство не влечет юридического верховенства. В связи с этим оно может охранять свое назначение только духовными средствами, начиная от увещеваний, продолжая протестом и кончая анафемой. Никон не подвергся соблазну политического воздействия на светскую власть и в своем учении не связывал никаких юридических последствий с мерами духовного наказания по отношению к власть имущим, а на свое государственное регентство в отсутствии Царя он смотрел как на службу Царю во исполнение его воли.

Анализируя, с одной стороны, состав полномочий духовной власти, а с другой – объекты Никоновского гнева, мы пришли к заключению, что он ограждал прежде всего полномочия Церкви, принадлежащие ей по ее же существу, а другие прикладные полномочия Церкви, данные ей государством, лишь постольку, поскольку в условиях эпохи они были связаны с первыми. Он учил о симфонии властей в ее православном святоотеческом понимании и видел нарушение этой симфонии, начавшееся еще до его вступления на Патриаршую кафедру не только в том общем перевесе светской власти в церковных делах, который со времени Флорентийской унии и падения Константинополя

обозначился на Руси, но особенно в издании Уложения. Если Никону не было надобности защищать статус, положение в государстве Патриарха, огражденного обычно жалованными грамотами Царей и в вопросе юрисдикции пощаженного Уложением, то для него было совершенно невозможно примириться с созданием такого чисто государственного учреждения, как Монастырский Приказ, который на практике захватывал не только гражданский суд над духовенством, отведенный ему по Уложению, но и церковный суд по церковным делам и вообще все административное и финансовое управление в Церкви. В условиях и при наличии таких секуляризационных стремлений государства Никон мог сделаться Патриархом не иначе, как с истребованием клятвенного обещания прекратить их и предоставить ему управлять Церковью по ее собственным принципам, т.е. по канонам. Когда он потерял эту возможность с лишением поддержки Царя, то он ушел, не желая потакать греху и думая остановить своим протестом нарушение прав Церкви. Если светская власть правит в Церкви, то для Никона это – поругание благодати Духа Святаго и воцарение Антихриста.

V. Учение Никона о царской власти

С этим связано его учение о православном Царе. Ведь православный царь не тот, который признает только истинность православного учения, а тот, который и исповедует его не только в личной жизни и в публичных церемониях, но и в государственной царской деятельности. Царь признает его в своем законодательстве и управлении Церковью, как особом Божественном учреждении со своим законодательством, управлением и судом в церковных делах, не преступая своими – государственными – законами ее – церковных – законов, но более и даже напротив – призывается устраивать государственное законодательство в духе жизни Церкви. Он призывается оцерковить и свой сан, и свою жизнь, и государственный закон, и в управлении своем быть проводником высшей справедливости. Патриарх, другой член Богомудрой Двоицы, как живой образ Спасителя, – духовная опора Царя и учитель его там, в тех вопросах, где он соприкасается с вопросами вероучения, нравоучения и проведения в жизнь высшей справедливости. Ведь призвание Царя – удерживать мир от пришествия антихриста, т.е. борьба со злом, а для того чтобы бороться со злом, надо быть непричастным злу, и потому Царь в праведности и соблюдении границ своей власти. Царь должен соблюдать те условия, при наличности которых он только и может быть орудием Божественного Промысла. «Ты говоришь, – пишет Никон в «Разорении...», – сердце царево в

руце Божией. Это верно, но только в том случае, если Царь праведен и остается в границах, поставленных ему Богом». Церковный канон, как выявление учительной деятельности Церкви в ее законодательстве, не может быть нарушен Царем без ущерба для собственной его власти. Для Никона царский престол неразрывно связан с церковным идеалом и заданием, и, охраняя царскую власть от расцерковления, Никон в своем понимании ограждал не только Церковь в ее правах, но и государство от гибели. Последнее в его глазах получало оправдание в своем религиозном назначении. Он не возлагал на государственную власть никаких новых ограничений, но выявлял лишь те, которые заключались в понятии православного царя, и связывал царскую власть церковным идеалом так же, как связывала его теория симфонии властей, бывшая официальной теорией Московского государственного права, занесенной в Кормчую Книгу. Но Никон был чужд того политического староверчества, которое канонизировало фактическое соотношение властей, сложившееся с середины XV в. в пользу светской власти подобно тому, как церковное староверчество канонизировало книги и обряды в их фактическом состоянии того времени[1]. Никон

[1] *В.Ш.:* приведем здесь авторитнейшее суждение отечественного историка словесности А.И. Соболевского из его сочинения «Несколько мыслей об древней русской литературе» (СПб., 1903): «Сделанные в Москве в XVII в. переводы показывают, что интересы здесь были не вполне, но в значительной степени те же, что и прежде. Епифаний Славинецкий переводит: Шестоднев Василия Великого, Богословие Иоанна Дамаскина, слова Афанасия Александрийского против ариан – произведения хорошо известные ранее в славянском переводе; Арсений Грек (или кто другой) переводит вопросо-ответы псевдо-Афанасия к Антиоху, существовавшие уже давно в славянском переводе и также помещенные в Макарьевских минеях, и т.д. Вообще, пересматривая русскую литературу XVII в., переводную и оригинальную, мы можем убедиться, что интересы московского читателя этого столетия по преимуществу те же, что и у его предков, – духовные.

Почему же в XVII в. мы наблюдаем замирание древней русской литературы?

Кажется, дело в языке этой литературы. Как известно, переводы многих произведений греческой литературы, южно-славянские и русские, древнейшие (IX–X вв.) и позднейшие (XIV–XV вв.), – не блещут достоинствами; некоторые из них едва ли были понятны даже самим переводчикам. Как известно, писцы при переписке часто искажали тексты и своими ошибками и описками превращали понятные места в непонятные. Тем не менее многие древние переводные тексты, за исключением отдельных мест, где больше, где меньше (богослужебные книги – минеи, триоди и т.п. здесь не имеют в виду), были достаточно понятны для русского читателя X–XIV вв. Что до оригинальных русских произведений, хотя бы жития Феодосия Печерского, то в понимании их этим читателям мы не имеем основания сомневаться. В XV в. живой русский язык уже настолько изменился и отдалился и от древнего церковно-славянского, и от древнего русского языков, что читатель этого времени мог понимать славянский язык лишь при помощи руководителя. Грамматик и словарей славянского языка не было, но традиция еще сохраняла понимание и древних форм (аориста и т.п.), и словарных особенностей. Читатель в недоуменных случаях должен был справляться у «ведущаго» и уже при его помощи проникать в смысл текстов. В XVI в. при дальнейшем изменении живого русского языка и ослаблении традиции

хотел такого же исправления в соотношении Церкви и государственной власти по теории симфонии в духе святоотеческой литературы, какое выполнила церковно-обрядовая реформа в деле исправления

московский читатель стал уже затрудняться при чтении многих из тех памятников, переводных и оригинальных, которые были написаны на славянском языке. Отсюда такие заявления, как у Курбского. Последний был почитателем и любителем славянского языка, и тем не менее у него о Богословии Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха мы читаем, что это произведение «ко выразумению <пониманию> неудобно и никомуже познаваемо <ни для кого не понятно>». Конечно, наиболее непонятными представлялись древнейшие тексты, изобиловавшие и древними формами, и особенными словарными данными, а тексты сравнительно позднего происхождения, т.е. переведенные в XIV в. (Маргарит Златоуста, сочинения аввы Дорофея, Диалектика Иоанна Дамаскина и др.), с поздним славянским языком, понимались до некоторой степени. В то время, как первые уже почти не существуют в Москве в XVII в., последние продолжают свою жизнь и с некоторыми исправлениями печатаются в этом столетии – они даже имеют успех и выдерживают по несколько изданий (слова дьячка в 1-й сатире Кантемира, который хвалится: «В Златоусте не запнусь, хоть не разумею», могут относиться и к Маргариту, и к изданным в Москве в 1664 и 1665 гг. «Беседам» Златоуста на Евангелия).

Если бы в Москве XVI–XVII вв. оказались люди, способные подновить славянский язык древних текстов, сделать его более понятным для тогдашнего читателя, можно было бы с уверенностью сказать – древняя русская литература не так бы скоро уступила место новой и не так бы решительно стушевалась перед последней; но за дело исправления в это время никто не решился взяться, а переводчики, как Арсений Грек, Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий, Евфимий и др., слишком много гнались за буквой оригинала и слишком мало заботились о ясности своих переводов. Федор Поликарпов, которого никак нельзя заподозрить во вражде к славянскому языку, так «доносил» Синоду о переводе Епифанием важнейших святоотеческих творений: «Книга Григория Богослова Назианзина с прочими, иже в ней, *преведена необыкновенною славянщизною,* паче же рещи – еллинизмом, и за тем *о ней мнози недоумевают и отбегают»* (ЖМНП. 1894. № 9. С. 31 – ст. Браиловского). Тредьяковский, который в юности «не только писывал, но и разговаривал со всеми» на славянском языке, в предисловии к переводу «Езды на остров любви» заметил: «Язык славенский в нынешнем веке у нас *очень темен* и многие его наши, читая, не разумеют». «Невразумительность» переводов Арсения Грека, Симеона Полоцкого и Евфимия для их современников также не подлежит сомнению. Словом, новые переводы с разных языков в Москве XVII в. не могли найти себе читателя и обновить замиравшую древнюю русскую литературу; они погибли вместе с нею.

То, что произошло в Московской Руси в XVII в., в Юго-Западной Руси имело место столетием раньше. Здесь падение традиционного понимания славянского языка было в полной силе уже в XVI в. Во второй половине этого столетия и в начале следующего слышатся голоса о непонятности для юго-западно-русского читателя славянских текстов и появляется целый ряд произведений на юго-западно-русском (белорусском) языке. Если списки древних славянских текстов XVI в. юго-западно-русского происхождения дошли до нас в ничтожном числе, то их списков XVII в., можно сказать, не существует. Юго-западно-русские ученые этого времени, за редкими исключениями, как Захария Копыстенский, совершенно не знают этих произведений и пользуются в силу необходимости их греческими оригиналами и латинскими переводами. В Юго-Западной Руси XVII в. древняя русская литература была в том положении, в каком она оказалась в Москве после Петра – она уже почти не существовала. Здесь в это время был *средний период* русской литературы, слабо связанный с периодами предшествующим и последующим, соответствующего которому не было в Москве и который продолжался до половины XVIII в., когда Южная Русь приняла из Москвы ее новую литературу, начав ее же новый период».

книг и обрядов, признавшая, что древность сохранилась у греков. Постоянные ссылки Никона на Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина и Феодора Студита объясняют источник, питавший его сознание, а реальная его борьба показывает, что он делал то же, что и они, когда напоминали царям о словах апостола, говорившего о поставлении в Церкви апостолов, учителей, пророков, но не царей. Никон выводил церковные полномочия из природы самого церковного союза, как это делается православными канонистами конца XIX и XX вв., и в них оставил предел для царской власти. Его воззрение на необходимость праведности для Царя было следствием общего его миросозерцания на значение греха в жизни людей. Всякий грех имеет соответствующее возмездие, и грех Царя влечет несчастье для государства. Идея греха была его центральной идеей, осмысливающей исторические события; не может быть благополучно государство, препятствующее Церкви, продолжающей дело Спасителя, в ее просветительной миссии и ее самостоятельной жизни. Он изменил бы себе, если бы вместо ухода с кафедры примирился с захватом боярами церковного управления, ради сохранения своего высокого положения в государстве. Изменил бы он своей идее, если бы не протестовав против человекоугодничества перед светской властью своего местоблюстителя митрополита Питирима анафемой и если бы, кроме личного прощения Царю, дал полное прощение как Патриарх без выполнения предварительного условия ликвидировать нечестивый суд подкупленных и низложенных Патриархов на основании фальсифицированных законов с подставкой под них искусственно придуманных деяний Никона с устранением всех свидетелей, могущих показать в пользу Никона. Само подчинение царской власти у Святейшего осмыслено тем, что Царь призван быть Божиим слугой, и он учил определенному отказу в повиновении, если Царь вторгается в область церковную. Никон в этом не был оригинален: ведь не только нестяжатели, но и иосифляне, если не всегда исповедывали, то всегда проповедывали отказ в повиновении нечестивым приказам Царя. Их общее учение было выражено в «Просветителе»: «Аще же есть царь над человеки царствуя, над собою имать царствующа скверна, страсти и грехи, сребролюбие же и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, злейше же всех неверие и хулу, таковой царь ни Божий слуга, но дьявола, и не царь, но мучитель. И ты убо такового царя или князя да не послушаеши на нечестие и лукавство приводяща тя, аще мучит, аще смертию претит. Сему свидетельствуют пророци и апостоли и вси мученицы, иже от нечестивых царей убиени быша и повелению их не послушаша». Это

признание суверенитета Бога особенно ярко выражено Никоном. Но Никон и на деле исповедал это учение: недаром св. Филипп, митр. Московский был его любимым святым. Обращает на себя внимание, что Никон ни разу не выразил сожаления о потере своего государственного положения, об утрате титула Великого Государя, названного им проклятым наименованием, вызвавшим зависть бояр; никогда не сетовал на утрату положения царского советника, участника Боярской Думы, но напоминал лишь о церковных обязанностях Патриарха печаловаться о невинно пострадавших и о его обязанности не стыдясь свидетельствовать истину перед лицом Царя. Его внутренний разрыв с Царем вырос на почве вмешательства Царя в церковные дела; Никон не исполнил противозаконных желаний Царя назначить митрополита в Киев, бывший в чужой церковной юрисдикции: Царь назначал по своему желанию лиц на церковные должности, но Царь сам свидетельствовал в 1657 г., что сам-то Никон в его царские дела не вмешивался, а на суде таких обвинений Никону предъявлено не было, хотя усиленно в течение восьми лет старались собрать все его вины.

Его Патриарх не единоличный властитель, а имеющий над собой собор поместных архиереев, власть четырех других Патриархов, связанных основными канонами. Московский Патриарх у него занимает пятое место среди других Патриархов, и Никоновы прибавления к Кормчей имеют вовсе не тот смысл, который влагается в них теорией, исходящей из Никоновского властолюбия. Никон категорически отвергал, чтобы Патриарх мог основывать свои полномочия на «Константиновом Дарении»; статья о Римском отпадении нужна была не для того, чтобы поставить Московского Патриарха на место Папы, а чтобы дать Московскому Патриарху место в пятиглавой власти Церкви. Он, видимо, разделял теорию пентархии, ибо в начале Кормчей он поместил статью, в которой напоминает своеобразную теорию, что Папа Римский во имя апостола Петра, а другие Патриархи во образ четырех евангелистов. Оригинальность Никона для его времени была в отсутствии церковного провинциализма, отсутствии национального самопревознесения, сознании необходимости общения с другими Церквами, отчетливом сознании различий церковного и государственного порядка жизни и в построении пятиглавой власти Церкви, дающей самостоятельный внегосударственный высший церковный авторитет, однако без всякого вмешательства в светские дела.

Заслуга Никона состоит и в выяснении, и в углублении впоследствии затемненного понятия «православный царь». Продуктом его политического построения была духовная теократия (*В.Ш.*: иероавтократия),

во главе которой стояла Богомудрая Двоица – Царь и Патриарх, – каждый из которой возглавлял свой союз – один – государственный, другой – церковный. Патриарх, по Никону, облечен лишь церковным авторитетом и призван не умалять власть Царя, а быть ей духовной опорой и неизменным спутником, напоминающим ее высшую идею, связывающую ее с идеалами вечности. Насколько Никон стоял выше своего времени*, показывают, с одной стороны, его разрешение Григорию Неронову, после его подчинения Церкви, служить по каким угодно служебникам – и по старым, и по новым, а с другой – слова, сказанные Лигариду в Воскресенском монастыре: «А Папу за доброе отчего не почитать. Там мощи свв. апп. Петра и Павла, а они служит у их гробниц».

Мы видели миросозерцание Никона на фоне предшествующих учений о царской власти в Византии и Московской Руси и отметили оттенки различий в понимании соотношений Царя с Патриархом в Византии и Москве, указав на более духовное понимание этих отношений именно в Москве, а также и на то, что Патриарх Никон был проводником православия с особенностями русского его понимания в стремлении воспринять его не столько как отвлеченную догматическую систему, а как нравственно животворящую силу и жизнедеятельность человеческого духа, нравственно им возрожденного. Это христианское миропонимание Святейший распространил и на область политическую, поскольку все его миросозерцание проникнуто чувством Бога.

С другой стороны, мы противопоставили идеи Никона католическим теориям симфонии в их разветвлении на учение о прямой, косвенной и руководящей власти Пап и учению протестантскому, предоставляющему весь правовой порядок в Церкви светской власти. От первых оно отличалось решительным отсутствием политического элемента в составе церковной власти, а от второго признанием особого церковного правопорядка, вытекающего из Божественных полномочий Церкви.

VI. Никон не понят современниками

Но Никон не был понят современниками. Греческие Патриархи предали его и его идеи за земные выгоды. Боярство не поднималось выше местнических расчетов и оберегания своего положения советников Царя; современная ему русская иерархия не поднималась до идей своего Патриарха, до сознания самодовлеющей силы церковного учительного класса, несущего службу государству в качестве такового, а

* По стремлению самостоятельно критически расценивать явления вне специфических предубеждений эпохи при сохранении верности православию.

не в качестве раболепных придворных потаковников, и не нашла в себе силы побороть личные чувства неприязни к строгому требовательному Патриарху. Сама царская власть отрывалась от тех церковных идей, которые могли дать ей незыблемость основы, подчеркивая, напоминая и освящая ее высшее значение. В результате в понятие «православный царь» вкрались элементы понятий абсолютного государя, возрожденного язычества, взлелеянные впоследствии протестантизмом и школой секуляризированного естественного права. Совершилась полная идейная революция, поставившая высшей целью государства на место священного принцип полезности в узко понимаемом материальном смысле. Эта власть, применяя к ней учение Никона, переставала быть властью, удерживающей от антихриста, в силу своего приражения к нечестию, выразившемуся в прямом захвате церковной власти.

VII. Противопоставление Никона Петру I

Никоновское миросозерцание особенно выделяется при противопоставлении его последующему петровскому законодательству, исходящему из отрицания за Церковью понятия Божественного учреждения с собственным законодательством, управлением и судом. Этого сопоставления не было сделано до сих пор в литературе, а между тем именно в нем особенно выявляется идеологическое различие между московским и петербургским государственным построением верховной власти:

1) Никон признавал право законодательства в Церкви за епископатом, а Петр I право законодательства и управления в Церкви присваивает государственной власти, даже в основных вопросах церковного устройства вопреки апостолам, правилам и посланиям Восточных Патриархов 1672 г., считавшим правителями и пастырями в Церкви епископов, а не царей;

2) Никон исходил из симфонии властей, призывавшей государство к оцерковлению, а Петр исходил из государственного утилитаризма с забвением аскетического трезвенного отношения к жизни, ставящего на первое место угождение Богу и Его прославление; Церковь сама ставилась им на положение государственного учреждения – полицейского орудия государства;

3) Никон считал несменяемым каждого данного носителя патриаршего сана без канонического церковного суда и отстаивал самостоятельность церковного управления, но после него Петр сделал Патриарха орудием светского правительства, затем заменил Патриарха

местоблюстителем, фактически отстранил от церковных дел и в конце уничтожил само каноническое возглавление Церкви;

4) Никон отстаивал независимость церковного суда, а после него не только отняли у Церкви суд в гражданских делах духовенства, но государство через своих фискалов вмешалось в суд Церкви по церковным делам;

5) Никон отстаивал самостоятельность в управлении церковным имуществом, а Петр не только отобрал у нее это управление, но и расчистил путь к позднейшей его секуляризации, лишив Церковь самостоятельных источников существования;

6) Понятие «православный царь» было забыто; царь стал неограниченным самодержцем, восхитившим на себя церковную правительственную власть, возродив понятие «понтифекс максимус». Епископы стали присягать в послушании уже не Патриарху, а одному Царю. Одним словом, утратилось само понятие Церкви, как особого Божественного учреждения, имеющего на земле свой неприкосновенный строй со своим законодательством, управлением и судом. Церковь не могла быть более для государства Звездой Востока, дающей ему высшее назначение и внутреннее обоснование, как то было в теории симфонии.

Государство стало самодовлеющим союзом и, потеряв высшую опору, само сделалось орудием человеческих страстей, в игре которых теряет в наше время свой авторитет. Никон был бардом принципов Московского государственного строя, доведенных им до высшего напряжения в проведении церковной идеи.

Мы показали основные принципы Московского государственного строя и показали их противоположность идеологии позднейшей Империи с ее примыканием к протестантскому построению церковно-государственных отношений, отвержением тех религиозных импульсов и эстетических выявлений, которыми был так насыщен московский государственный строй с его церковными обычаями и церемониями, имевшими воспитательное значение и так полно выражавшими внутреннее богатство православного миросозерцания. Никон со своей аскезой, со своими длинными пышными богослужениями и со своим отданием всего лучшего Богу был сам живым воплощением идеи этого строя. Он стремился восстановить нарушенную симфонию властей и остановить начавшуюся секуляризацию государства. Только изучив его воззрения, мы можем понять все возраставшие волны его протеста, шедшие в восходящем порядке от советов, увещаний через протесты, уход с кафедры, угрозы гневом Божиим, отряхиванием праха от ног своих при удалении из Москвы, литературную защиту до анафематствования с грозным пророчеством гибели. Он защищал

не свое личное положение, которое мог всегда сохранить путем компромисса и прекращения борьбы, но идею Церкви, самостоятельно несущей свою просветительную миссию. Его учение и жизнь среди дурных, завистливых, плотских, себялюбивых чванливых людей двора Алексея Михайловича были лишь иллюстрацией той истины, что «свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

Никон затронул вечно живую тему о церковно-государственных отношениях, значение которой сознавалось еще в языческой древности, когда не было Христовой Церкви. Если интересно его конкретное построение великой русской теократии, то еще более значительной является его основная идея о симфонии властей и борьба за канон, в чем он продолжал дело таких свв. отцов Церкви, как Федор Студит. Он давал иное направление всей культуре народа, чем то, на которое толкнул Петр. Признавая законность для государства тех задач во внешней политике, к которым стремился и Алексей Михайлович и Петр, стремясь подобно Петру насаждать науки и искусства, законность светского образования, сам имея в своей библиотеке и Аристотеля, и Коперника, Никон идейно вел государство по другому пути, выдвигая проблему и задание православного царства. Он выработал свои идеалы тогда, когда надо было уяснить по какому пути вести Россию, по пути ли, указываемому старообрядчеством с его замкнутым самоуглублением в собственные достижения, по пути ли материалистического утилитаризма, выхваченного из современного натуралистического философского течения на Западе, или по созданию православной духовной культуры при живом общении с Западом в вопросах материальной культуры. Жизнь разбила его идеалы тогда уже тем, что члены пятиглавой власти Церкви оказались доступными влиянию низших страстей мира сего и утрачивали право на духовное руководство. Идеалы Святой Руси, уйдя в горы, леса и обители, перестали быть путеводной звездой государственного строительства и ныне вспоминаются нами как яркая противоположность идей III Рима идеям III Интернационала. Этот идеал Никон понимал не в смысле принятия русских достижений за высшее мерило истины, а в смысле того, чтобы сделать из Москвы центр православной церковной культуры во всем богатстве ее проявлений. Своему идеалу Никон оставался верен и в положении строителя жизни, и в положении гонимого, и в положении заключенного. На закате православного царства он показал, в каком направлении ему надо прогрессировать, исходя из идей, в него заложенных, как осуществить ту симфонию, которая являлась для него заданием в построении отношений Церкви и государства. Он пропел

лебединую песнь православному царству и исповедником кончил жизнь за права Церкви и за ее положение в этом царстве. После него грубой рукой узко понятого утилитаризма его идея Святой Руси была не только смята через полное затемнение понятия православного царя и противоканонического уничтожения патриаршего сана, символизировавшего в жизни идею Святой Руси, но подверглась теоретическому, политическому и бытовому искоренению.

VIII. Современное значение Никоновских идей

С Никоном сочетается не только научный интерес, связанный с одним из моментов в развитии понятия верховной государственной власти в России, но и интерес иного порядка, о котором трудно не говорить в скорбную эпоху упадка политического идеализма. Да будет позволено мне коснуться и этого вопроса, связанного со сферой личного верования и упования. Я разумею ту веру в Промыслительную Десницу Божию, которой проникнуто все миросозерцание Никона, веру не только в Ее кару за грехи, но и во всепрощение за сознание в них и покаяние. Бывают эпохи, когда ее современнику может показаться, что навсегда погибли лучшие идеалы и лишь мерзость запустения царит на месте святе, и как будто нет просвета, и тогда невольно взор приковывается к людям, которые своей жизнью и учением поднимают дух, обращая его к вечному источнику жизни – Богу. Подобно тому, как одряхлевший древний мир мог быть поднят только через обновляющуюся силу христианства, так и для нас звучат слова Спасителя, сказанные Им среди величайших унижений: «Аз есмь путь, истина и жизнь» и другие Его слова: «Без Меня не может сотворить ничего». Одни эти слова дают подлинную уверенность, что живый на Небесах посмеется и над современным строительством в России, и над человеком, восставшим на Бога. Когда в образах прошлого видишь взлет человеческого духа до отдания всей своей жизни Богу во всех ее многогранных проявлениях, то проникаешься верой, что греховное падение народа не вечно, что живущий в нем образ и подобие Божие дадут ему силу стряхнуть с себя сатанинское наваждение и вернуться на тот путь покаяния, на который вернулся у Достоевского деревенский парень, стрелявший в выплюнутое им Причастие и ужаснувшийся в тот момент, когда в попираемом Причастии увидел кроткий лик распятого Богочеловека. Вот эта вера в то, что прочно только строительство, соединенное с идеей Христовой Церкви, которое понудило нас изучить и представить Вам один из прошлых исторических опытов идейного построения духовной теократии на русской почве с русским

подходом к христианству, независимо даже от вопроса о возможности повторения в будущем опыта построения подобной же формы теократии, которая, как известно из истории политических идей и политической действительности, могла принимать весьма различные облики в рамках и монархической, и демократической государственности. Вот мотивы, побудившие нас обратиться к Никону, все мировоззрение которого проникнуто чувством Бога Промыслителя, которое отсутствует в современном политическом мироощущении. Это отсутствие было отмечено еще в середине XIX в. Папой Пием IX, пророчившим Европе гибель от коммунизма в результате отрыва от церковной культуры в ее политическом строительстве. Это отсутствие не может не ощущаться и нами, испытавшими на себе реальное посещение Божие в виде несчастия нашей Родины. Эта сторона особенно приближает к нам Никона; стремлением стяжать Божественную милость пропитана его духовная теократия, возглавляемая *священной двоицей* Царя и Патриарха и призванная руководить народом под покровом права, признающего различные компетенции, средства и непосредственные цели Церкви и государства взаимно самостоятельных и сочетающихся в симфонии. Эта симфония объединяет их в общей конечной цели человечества – духовном спасении, в признании одной общей истины и общем стремлении, хотя бы и различными средствами, к насаждению на земле мира с Богом, а через это и в человецех благоволения.

IX. Условия работы

Мы ясно сознавали немощь своих сил, особенно в эмигрантской обстановке, при совершении своего труда, в пути которого пришлось затронуть ряд тем, многие из которых могут составить предмет особого исследования. Часто приходилось останавливаться в работе перед неимением нужных материалов, обрывать свою работу, поскольку для нее надо было насильно вырывать время от жизни. Стимулом, дававшим нам нравственные силы для труда в тяжелых условиях эмиграции, служило стремление напомнить, какими идеалами жил русский народ, когда, стремясь удовлетворить единое на потребу, он создал тот запас духовных сил, который уготовил ему высокое положение в мире сем, и тот духовный капитал политических идей, который подлежит нашему обереганию. Я представил свой труд ученому суду и жду его в надежде, что мои оппоненты отнесутся снисходительно к недостаткам труда, принявшего большие размеры отчасти от той же причины, что не хватило времени писать и выражаться короче.

© Зызыкин М.В.
© Шмидт В.В., подготовка текста к публикации